

В зоне магического реализма

Новые Известия, 1999
— 6 нояб. — с. 7

На вопросы кинообозревателя «Новых Известий» Виктора Матизена отвечает постановщик «Барака», самого успешного российского фильма второй половины нынешнего года, Валерий Огородников

Огородников на съемках (разумеется, слева).

— Четыре твои полнометражные картины очень различны по материалу и по стилю. «Взломщик» — в целом традиционный фильм о двух братьях, где новым был только бунтующий герой в исполнении Кинчева. «Бумажные глаза Пришвина» — довольно сумбурная попытка распутать связь между 1949 и 1989 годами, экспериментальная по форме и по содержанию. «Опыт бреда любовного очарования» — история сумасшедших Ромео и Джульетты в сумасшедшем доме, которым заправляет сумасшедший психиатр, да и у автора этой истории, кажется, не все дома. «Барак» — чистой воды «ретро». А для тебя самого между твоими работами существует внутренняя связь?

— До «Барака» я искал жанр и искал язык. Теперь мои поиски или, скажем так, первый этап поисков закончился, и я сделал — с использованием всех находок — то, что ты назвал «чистым ретро». И все же кое-что общее в моих картинах есть. Я бы сказал, что постоянно нахожусь в зоне повышенного внимания магического реализма. Если говорить более понятно, я пытаюсь создать произведение с явными эпическими элементами. Насколько показывает мой анализ моего собственного киноопыта, у меня наметилась некая легализация обобщения структуры развития человеческого общества с помощью кинематографа...

— По-твоему, соединить четыре родительных падежа подряд — значит быть понятным?

— Ключевое слово в том, что я сказал — «структура».

— Тогда скажи мне, какими структурными особенностями магический реализм, с твоей точки зрения, отличается от простого реализма?

— Блока однажды спросили: «Как вы пишете стихи?». Он ответил: «Я их не пишу, я их записываю». Нас отличает только уровень восприятия божественного послания. Магический реализм в кино — это Жан Виго и Довженко. В прозе — Маркес. «Сто лет одиночества» — это сценарий нереализованной картины, написанный на недостижимом для кино уровне. А «Осень патриарха»? Невероятное, фантастическое зрение...

— А каким образом «божественный глагол» касается лично тебя?

— Трудно сказать. Зависит от стечения обстоятельств, настроения, места, звука вокруг. Наверное, главным все же является тон, который тебя цепляет и ведет за собой.

— Ты в самом деле строил «Барак» по музыкальному принципу?

— Так строятся все уважающие себя произведения. В театре даже в большей мере, чем в кино, потому что театральное действие больше рассчитано на слух, чем кинематографическое. Да и амфитеатр сверху выглядит, как большое ухо.

— Обращенное к небу?

— Вот именно. У меня немного другое — я вижу ушами. Глаза — это контролер. А способность ненасильственно выстраивать звуки в ряд, выбирая ту единственную точку, которая позволяет услышать данную тебе сейчас мелодию, — это и есть режиссура.

— Не знаю, как насчет «магического» реализма, но в прессе уже говорилось, что «Барак» находится в русле «германовского» реализма. Я бы сказал, петербургского...

— Если так, то я этим горжусь. В петербургском кино работают люди высокой культуры. И мозги у них в самом деле иначе устроены, чем у москвичей. То ли потому, что город — призрак, то ли метана много испаряется из болот, на которых он стоит. Постоянная газовая атака снизу формирует определенную ментальность.

— Я бы еще добавил, что Петербург — город мертвых. Он населен тенью...

— Люди умирают во всех городах...

— Да, но не везде их души и призраки остаются в городских пределах. Так или иначе, но факт, что петербургскому кинематографу присуще стремление к смерти.

— Я человек другого склада, из других мест, но и меня достало. После трех питерских картин возникло ощущение, что я попал в западню. И ты прав, что на «Опыте бреда любовного очарования» у меня поехала крыша. Это нормальный путь живущего в Питере человека. Потерять адекватное сознание — значит отчасти умереть. «Барак» я снимал на Урале, чтобы вырваться из этой атмосферы.

— Судя по фильму, твое уральское барачное детство было счастливым...

— Детство для меня — потерянный рай, как ты и подметил в своей статье. Для Набокова, кстати, тоже.

— Я-то думал, что его потеря связана с тем, что пришли большевики и все испохабил, но не подозревал, что потерянным раем может быть коммунистический барак...

— Может. Это ведь чисто субъективное ощущение, режим тут ни при чем. Между прочим, Набоков воссоздал потерянный рай, но не для себя, а для своего сына, который до сих пор в этом раю живет — счастливо и независимо. И я хочу, чтобы у моих детей сохранились счастливые воспоминания о нашем времени, несмотря на то, что происходит вокруг.

— Ну что ж, вижу, что у тебя на все есть ответ. А был ли хоть один вопрос, который поставил тебя в тупик?

— «Кем вы себя больше ощущаете — советским или русским?»

— И что ты в конце концов ответил?

— А что тут ответишь? Сказал, что я человек без границ...

50